

Только тот, кого книга к себе приковала, кто познакомился с её автором и начал понимать его, у кого сложились с ним какие-то отношения, – только тот и начинает испытывать настоящее воздействие книги.

*Герман Гессе,
лауреат Нобелевской премии*

Очередь к М.П. Чёрной

Да, да, именно так – очередь после презентации своей книги выстроилась к Марии Петровне Чёрной, доктору исторических наук, профессору ТГУ. Она в рамках «Недели томской книги» рассказала о своей книге на основе исследований по археологическим раскопкам в центре города Томска. Слушателям (а это были любители истории Томска, собравшиеся в краеведческом отделе Областной библиотеки им. А.С. Пушкина), было так захватывающе интересно, что после её почти двухчасового выступления ей пришлось ещё более получаса отвечать на вопросы. Написанная ею книга **«Воеводская усадьба в Томске, 1660-1760 гг: историко-археологическая реконструкция. – Томск, 2015»** возбудила присутствующих. Раскопки под руководством М.П. Чёрной открыли много нового о древнем Томске. Из них назовём только некоторое, оставив специалистам их компетентные суждения. Но вначале, как читатель,

о самых общих впечатлениях

Это солидный научный труд, издан Национальным исследовательским Томским госуниверситетом при финансовой поддержке Томской областной администрации. Крупный формат, прекрасная бумага, приличное полиграфическое и художественное оформление – такой том приятно взять в руки, даже хочется его приласкать. В самом деле, это – настоящее подарочное издание! Добавляют прелести авантитул, шмуцтитилы, форзацы, буквицы, колонтитулы, колонцифры, продуманы шрифты и кегли, уместен старорусский шрифт. Ощущается неравнодушие автора и в размещении эпитафий, чертежей, рисунков. Особо об оформлении рассказала дочь Марии Петровны Людмила Викторовна, которая

взяла на себя труд художественного редактора. И, надо сказать, справилась достойно!

Конечно, имеется всё необходимое для научного издания: краткое, но мыслёмкое предисловие научного редактора академика РАН В.И. Молодина, которое вписывает изучаемое время и сюжеты в общероссийскую многовековую историю, особость освоения новых земель русскими первопроходцами, которая кратко звучит так: «Трудом и культурой». Академик этим задаёт тональность чтению, а мы мысленно воспроизводим иной девиз других времён и континентов: «Огнём и мечом!»

Читая весь текст книги, убеждаемся: **Россия создала свою цивилизацию, а присоединив суперрегион Сибирь, установила здесь русско-сибирскую цивилизацию.** Предисловие автора настраивает на вдумчивое чтение, выделяет существенное, в нём даются необходимые пояснения, очень уважительно и с благодарностью названы два десятка имён учёных, и все, кто помогал в осуществлении данного проекта.

Компактная структура монографии. В ней три главы, каждая с подразделами. В каждом из разделов авторские аргументированные суждения, находки и даже открытия на основе глубокого исследования проведённых археологических раскопок, а также при тщательном изучении литературы и архивов.

Обозревая Список названной в книге литературы на 25 страницах, только и удивиться её обилию, временному охвату, а также тематическому разнообразию, что отражает всесторонность рассмотрения воеводской усадьбы. Усадьба томского воеводы предстаёт в книге не только как административно-политический центр и резиденция власти, но и как среда обитания её поселенцев, образец их хозяйственного бытования.

Знания, потребные археологу

Автору, чтобы осмыслить, проанализировать итоги раскопок воеводской усадьбы с разнообразных позиций, всесторонне и строго научно, потребовалось проникнуть в такие отрасли знаний, как строительство, архитектура, геология, геодезия, топография, картография. Проследживается междисциплинарный подход, обращение за помощью и консультациями к специалистам физико-химического, биологического, геологического направлений. На помощь призваны знания вспомогательных к археологии дисциплин: геральдики, исторической хронологии, топонимики, эмблематики, архивоведения и др. Но поразило и привлечение знаний, и даже тонкостей, производств того времени – гончарного, металлургического, кожевенного, стекольного, изразцового и др. В необходимых пределах использованы практики животноводства, рыболовства, охоты и пр. В соответствующих разделах монографии имеются важные и редкостные сведения в таких научных областях, как фольклористика, досуговедение, книговедение и, конечно же, сибирское городоведение. Автор внёс свою лепту на томском материале XVII–XVIII веков. Это и познавательно, и новаторски!

В последних подразделах – речь об евразийских связях в политике, торговле,

финансах и пр. И перед нами предстаёт вид с высоты (чуть ли не с современно-го лайнера или спутника) на это громадное пространство с взаимодействиями в нём между народами по самым различным линиям их жизнедеятельности.

Такой взгляд смог появиться только после скрупулёзного, до мельчайших деталей изучения найденных артефактов, их анализа и интерпретации. Кроме упомянутых Отчётов в архиве Института археологии РАН, М.П. Чёрная опубликовала уже две авторских монографии и обе по южному мысу Воскресенской горы. Вторая названа, а вот данные первой: Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 187 с. Их сравнение говорит о громадной работе и приличном продвижении учёного в изучении старины нашего города. Это наглядно иллюстрируется приводимой далее таблицей.

Номинации	Томский кремль середины XVII–XVIII в. 2002 г.	Воеводская усадьба в Томске... 1660–1760 гг. 2015 г.
Объём в страницах	187	275
Наличие аннотированного текста на англ. языке	Нет	26 страниц
Наличие предисловия научного редактора	Нет	Академик РАН В.И. Молодин
Структура книги	7 глав	3 главы с подразделами
Список литературы и опубликованных источников	>320	>1300
Число использованных архивов	6	5
Наличие иллюстративного материала	81 рисунок	208 рисунков
Художественное оформление	Минимальное, чёрно-белое, только один рисунок в цвете	Использование большого набора элементов современного книжного дизайна внешнего и внутреннего. Полноцветные иллюстрации по всей книге. Тематические репродукции жаровых живописных картин русских и европейских художников
Тираж, количество экземпляров	400	800

Таблица даёт только чисто формальные, цифровые показатели о двух книгах. Но и они уже дают представление о фундаментальности второй монографии. К примеру, в первой на 187 страниц текста приходится более 320 наименований источников и литературы, т. е. плотность их использования примерно 1,7 ссылки на страницу, а во второй уже 4,7 – почти в три раза более. И эта характеристика научного текста учёного М.П. Чёрной не разовое явление и не

только в монографии. В одной из её статей на 10 страниц текста дано 150 сносок! Мой друг архитектор недоумевал по поводу исторических научных текстов и подсмеивался: историк на любой, даже незначительный факт и чих, обязан дать ссылку, откуда он его взял. Ну что ж, такова особенность этой категории учёных, а уж если речь об археологических изысканиях, то там их и должно быть больше.

«Больше, чем докторская диссертация...»

Перед началом презентации мы с Марией Петровной рассмотрели книжную выставку, тщательно и даже любовно подготовленную работниками краеведческого отдела библиотеки. Несколько десятков изданий с публикациями автора аккуратно расположено на столах. На вопрос: «Ваша сегодняшняя монография – это докторская диссертация?» получил неожиданный ответ: «Нет, это больше, чем докторская».

Вначале не поверилось, но позже убедился: да, это два разных произведения. Удивила временная дистанция между ними: почти в десять лет! То есть написание монографии стало специальным трудом, только в какой-то степени учитывающем материалы докторского диссертационного исследования. Кстати, тема его звучала так: “Русский город Сибири конца XVI – XVIII в. в археолого-исторической ретроспективе” (защита состоялась в 2007 г. в диссертационном совете при Институте археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)).

Если тема диссертации, очевидно, охватывала широко сибирские города, то исследование Воеводской усадьбы значительно меньше по территории, более локально, взято узко. Она – крохотная чешуйка на нашем сибирском суперпространстве. Но, чем меньше объём и предмет исследования, тем более тщательно должна быть его глубина, разносторонность и всеохватность. И, ясно дело, более изощрённой, изобретательной методика его изучения. А это требовало тоже длительного напряжения интеллекта для более панорамного осмысления возникших вопросов и проблем, но уже на приличном фундаменте прежних раскопок. (В скобках скажем: всего у учёного М.П. Чёрной более двадцати археологических разведок и раскопок, в т. ч., кроме продолжительных и неоднократных томских, в городах Енисейске Красноярского края, Тары Омской, Кузнецкого острога в Кемеровской области и др.). Время также ушло и на привлечения знаний новых отраслей, на проникновения в детали, тонкости. А главное – труду на подачу содержания материала не только для специалистов, а предназначенного и для более широкого круга читателей. Не случайно тираж второй книги увеличен в два раза по сравнению с первой.

И как мы, читатели, должны быть признательны и благодарны администрации Томской области, которая, проникнувшись уважением к своему древнему властному наследнику, помогла финансами в выпуске монографии. Читательское спасибо, конечно, заслуженно (должно быть) адресуемо и Томскому национальному исследовательскому университету, где сформировалось новое научное направление археологии – сибирской городской её ветви, и всячески поддерживаются подобные исследования средневекового Томска, а также университетская традиция пропаганды научных знаний.

Хороший русский язык, доступный и не для специалиста, *что позволяет считать книгу не только сугубо научным трудом, но и научно-популярной.* А это ныне, когда в исторической науке идёт разногласие, так необходимо для просвещения рядовых читателей. Уверен: популяризация знаний о древнем Томске, которую ведёт М.П. Чёрная, способствует укреплению патриотизма томичей и расширению нашего исторического сознания.

Мне памятли встречи с делегатом учредительного съезда (июнь 1947 г.) Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (в последствии общество «Знание») ярким и широко мыслящим учёным ТГУ И.П. Лаптевым, основателем томской научной школы экологов, офицером Великой Отечественной войны. Он долгие годы был страстным лектором, принимал участие в «Днях науки» и «Днях профессора» (проводились в 80-ые годы в Томске и области). Помнится, мы с ним обсуждали непростой вопрос улучшения лекционной, просветительской деятельности за счёт привлечения новых лекторов. Он говорил: не каждый учёный может донести знания своей науки до простых тружеников, вот и надо подумать, как помочь им овладеть методикой популяризации науки. Иннокентий Прокопьевич привёл запомнившиеся ему на съезде слова академика Сергея Ивановича Вавилова о том, что учёные «должны быть проводниками и посредниками настоящей высокой науки от специалистов к народу», во имя чего и создавалось новое общество. Опытом и умением популяризации знаний И.П. Лаптев делился с молодыми учёными, вовлекал и маститых в научно-методические советы, помогал им осваивать приёмы просветительства.

Слушая эмоциональный, строго логичный, захватывающий рассказ Марии Петровны о своих научных результатах, можно было убедиться, что есть и не перевелись в Томском университете учёные, владеющие популяризацией науки на уровне искусства, способные быть такими «проводниками и посредниками», о которых говорил первый председатель общества «Знание». Профессор Чёрная из таких, из когорты ярких томских лекторов – научных популяризаторов. Таким же качеством обладает и её монография. Кстати, вспомним опять С.И. Вавилова, который возобновил и традицию М.В. Ломоносова регулярно издавать научно-популярные книги.

Книга об усадьбе по композиции, по живости изложения, образному языку, по эмоциональной и душевной энергии, по любви к своему делу, по доступности и для рядового читателя, конечно же, – научно-популярное издание. И это несколько не умаляет её строго научной ценности. Ещё глубже я проникся её заявлением: «Больше, чем докторская диссертация».

Давно встретила мысль немецкого учёного XIX века Де Бари, сказанная будто для нашего случая: **«Истинная научная работа зреет как плод на дереве, и зрелый плод должен упасть и рассыпать свои семена. Работу делают не для того, чтобы публиковать, но, законченная, она должна стать общим достоянием».**

Слова из позапрошлого века, но прямо в точку!

Что нового о старом Томске?

Автор считает, что в истории сибирских городов преодолён узкий и упрощённый подход, когда развитие города предлагалось рассматривать по трём этапам: первый – острог как военно-административный город; второй – город как центр торговли; и, наконец, третий – город, как развитый административно-экономический центр. Прежние раскопки Томского кремля и те, которым посвящена книга, дали возможность автору прийти к понятию **полифункциональности** развития города, когда все основные его функции могли быть представлены одновременно, но в разное время с ярко выраженными то одних, то других. Автор часто обращается к исследованиям «коллег по цеху» и не только отечественным. Широкая география обращений к аналогиям при исследованиях разных сторон воеводской усадьбы г. Томска раздвигает горизонты видения частного случая до серьёзных наблюдений, обобщений и выводов. Так и представляется взгляд на наш томский участок как бы с большой высоты, когда обозревается не только сибирский суперрегион, но и вся Россия и Европа тех дальних времён. В этом немалая заслуга автора.

Читатель в первой главе погружается в описание восьми обнаруженных зданий с точки зрения их археологического, архитектурно-строительного и внутреннего содержания. Здесь мы узнаём впервые, что в усадьбе был сооружён дом общей площадью в 170 кв. м. Это был дом-шестистенка с рублеными сенями посередине. Он имел подклетный этаж, который не заглублялся, в нём были помещения с отдельными входами. Имелись чулан, сени. Установлены при раскопках печи, которые служили и для отопления, и для приготовления пищи.

Детально описаны обнаруженные печные изразцы с изображениями, а один из них реконструирован и представлен на обложке монографии. Это муравлений экземпляр с геральдическим орлом. Здесь почти дословно повторено описание этого хищника, которое было в первой монографии (см. страницы 67 первой и 85 второй монографии). Сюжет с орлом во второй монографии присутствует дважды и раскрывается более основательно. В первой главе с точки зрения производства изразцов и их появления в Сибири (в Тобольске построена «черепишная изба»). Причём автор на основе изучения городских сибирских археологических коллекций, появившихся после 2000 года, утверждает, что столичное изразцовое искусство в видоизменённом виде достигало Сибири. Но Мария Петровна пытается идти глубже, задаваясь вопросом – а могло ли быть производство изразцов в Томске?

Для ответа на этот вопрос она привлекла доктора геолого-минералогических наук, профессора кафедры динамической геологии ТГУ А. В. Минакова, который провёл исследование образцов археологической керамики и сравнительный анализ её состава с местными глинами. Он обнаружил примерное сходство сырья по некоторым параметрам с глиной восточного склона Воскресенского холма. И вот вывод учёного М.П. Чёрной: возможное использование местного сырья для изготовления изразцов «носит самый предварительный характер в силу незначительности выборки и требует проведения дополнительных ... исследований». Обращает внимание, как осторожно, деликатно звучит ответ. В нём – задача на дальнейшие изыскания.

Муравлёный томский одноголовый орёл

На презентации Мария Петровна акцентировала внимание слушателей на том, что орёл на муравлёном изразце одноголовый и коронованный, а по обе стороны короны две буквы «Г» и «Р» (расшифровка: Государство Российское). Натягивание лука и направление стрелы вниз создаёт напряжение, как и весь облик орла с раскрытым клювом и распростёртыми вверх крыльями.

Зашедший в помещение посетитель при виде такого изображения в центре на печи сразу впечатлялся и внимал царственность воеводы. Изображение орла повторяется в книге в большую величину, позже три десятка раз, и на всех страницах главы 3. «Власть и престиж воеводы» В сюжете с орлом на изразце автор усматривает подражание статусным предметам и копирование облика и облицовки печей Коломенского царского двора. И, главное, продолжает анализ изображения орла с тетивой. Опровергается сложившееся представление о двуглавости орлов в русской символике верховной власти.

Да, большинство гербов России – двуглавые. Но автор, опираясь на исследование символики и эмблематики Е.В. Пчелова, сообщает: одноголовые орлы были на прижизненной фреске Ярослава Мудрого из Софийского собора в Киеве, а также на «земской» печати Первого и Второго ополчений 1611-1612 гг. и добавляет, опять же опираясь на исследователя, что повёрнутость головы орла направо – это влияние античных или западноевропейских эмблем. Такие изображения использовались широко на Руси в XVI-XVII вв. в качестве печатей. Прекрасно дополняют эти суждения цветные иллюстрации сибирских печатей и гербов. Интересна следующая авторская интерпретация томского орла: он «не стреляет и не целится, о чём говорит опущенный книзу лук и повернутая в обратную от него сторону голова. Символика сюжета включает в себя силовую составляющую как необходимый, но не основной фактор освоения земель при ведущем значении идеи сохранения и поддержания территориальной целостности...Коронованный орёл...выступает символом охраны государственных интересов и земель, он не нападает, не угрожает, но готов отразить любую опасность и вторжение врага».

В первой главе для томичей принципиально новым является детальное представление о здании воеводской усадьбы. Автор завершает главу описанием целостной реконструкции дома-шестистенки, который имел тройную двухэтажную связь. Дочь Марии Петровны Людмила исполнила графическое изображение основного здания и жилой застройки воеводской усадьбы на цветных рисунках, расположенных на трёх страницах. Конечно, специалисты могут найти здесь неточности. Но это не помешало профессору ТГАСУ В.И. Бойко в своей рецензии (Вестник ТГУ 2016. История. № 2(40) даже возмечтать, что когда-нибудь «мы войдём в воеводские хоромы, откроем кованые железом двери, увидим изразцовую печь и другие атрибуты богатого сибирского терема...».

Конечно, было бы неплохо иметь реконструированную не в рисунке, а в натуре усадьбу, но до этого, наверное, пока далеко. Однако сам факт произведённой реконструкции – это уже вклад учёного в историю нашего города. Не случайно эта первая глава – самая большая в книге.

Хозяйственно-бытовой комплекс усадьбы

Он описан во второй главе, которая значительно меньше по объёму, но очень насыщена бытовыми подробностями повседневного быта не только самого воеводы, но и его челяди, служилых людей.

Усадьба представлена не только как жильё, но обнаруженные при раскопках предметы дали основание говорить о наличии в ней разнообразных мастерских. Здесь автор опирается широко на аналогии тех же времён в европейских городах. Однако есть и сибирские особенности, в частности, наличие подклети-погребя и подклети-подполья. Много внимания уделено остаткам колодца, который находился в дворцовой застройке. По письменным источникам установлены мастера-колодезники, определяющие водяные жилы и умеющие по цвету, прозрачности, вкусу и запаху определить качество воды. Эти умельцы получали хорошие **деньги**. (Кстати, скажем, что в книге со ссылкой на других исследователей даётся сложившаяся в Сибири норма минимальной зарплаты – 3 деньги (1,5 коп.) в день. Но размер её зависел от срочности найма, от мастерства. Так, солевары, пивовары, винокуры и другие специалисты получали от 10 до 30 рублей в год. Рядовой же работник имел заработок в 2-3 раза ниже. А средний размер сибирских служилых людей в XVII в. составлял 4-5, а иногда до 7 руб. в год). В Томске были собственные колодезные мастера, а одного из них даже посылали на помощь в Якутск.

Очень интересны сведения о **металлургии** в Томске и округе. Найденная при раскопках в усадьбе яма (одна из известных на Руси в то время «волчьих ям») свидетельствовала о варке железа. Сырьё для этого поступало из разведанных мест – Уртамского, Шагарского и Енисейского. Центральные власти были настойчивы в изыскании в Сибири железных, серебряных руд. Сюда послали из Москвы кузнеца Фетку Еремеева, «проведывати и искати железные руды». Однако открытые залежи серебряных руд на реке Каштак не оправдали надежд. Известно имя кузнеца Ивашки Михайлова. Всего же в 1668 – 1669 гг. насчитано 18 человек, которые занимались обработкой металлов. Среди них обнаружена специализация – котельники, бронники, шильники, мастера по изготовлению подков, и даже часовщики. И, конечно, оружейники. Изготавливались гвозди, подковы, скобели, пилы, стамески, шилья, шарнирные ножницы, косы, кресала и пр.

Томская археологическая коллекция железных изделий состоит из более 700 предметов, свыше половины из которых – гвозди различные, более 50 ножей, а также топоры, молотки, долота, зубила. Металлографические исследования свыше 50 изделий из томской воеводской усадьбы, проведённые в ИА РАН, показали, что мастера использовали разные технологические приёмы и сырьё. Изделия этой коллекции могут подробнее раскрыть развитие томского кузнечного дела.

Металлургия и железодельное производство в Томске сыграло одну из видных ролей в становлении города и превращении его в крупный ремесленный центр в начале XVIII века.

Археозоологические остатки (в томской коллекции их более 7 тыс.) позволили подробно раскрыть наличие и **состав млекопитающих**: крупного рогато-

го скота, свиней, лошадей, присутствие собак и кошек. Установлено разведение и содержание кур.

Как же было обойтись, не коснувшись **охоты**? Во второй главе целый подраздел о ней. При раскопках луков и стрел, а также рогатин, различных ловушек не обнаружено. Но точно установлено, что охотой на «зверя прыскучего» (лося, северного оленя, косули, кабана, медведя, зайца, волка, соболя) обитатели усадьбы занимались. И для мяса, и для заготовки пушнины. На территории воеводского подворья имелся «сарай для «мягкой рухляди». Пушнина приносила воеводам немалые барыши. (В 1626 г. служилые люди П. Черкашенинов и М. Верхотурец продали её на 15 и 14 рублей, что означало два годовых денежных оклада). Боровая дичь – глухарь и тетерев, водоплавающие – кряква, шилохвость, свиязь, белый и длиннохвостый крохаль, а также гуси подвергались отстрелу и отлову.

Важным промыслом было **рыболовство**. Что ловили? На первом месте была нельма, второе – щука, а вот осётр на третьем. Этим рыбам принадлежит 88 процентов всех костных остатков. А далее пелядь, язи, плотва, караси. Рыбный промысел носил товарный характер. При этом русские поселенцы взаимодействовали с аборигенами, обогащались их навыками охоты и рыболовства, сохраняя и свою самобытность.

Любопытные сведения мы получаем из подраздела главы **2 об обуви и сапожном деле**. Томская археологическая коллекция кожи насчитывает свыше тысячи её фрагментов. Автор установила, что изготавливались мягкие и жёсткие формы обуви. Документировано ношение обитателями воеводской усадьбы каблучной обуви, причём и у женщин, и у мужчин. В Томске отмечен каблук высотой в 5, 5 см. Каблук был атрибутом статусности. Подробно описаны изображённые экземпляры.

Благоустройство усадьбы представлено в книге анализом элементов частокола и мостовой. И вот необычный подраздел в книге: речь идёт **об играх жителей усадьбы**. Какие же игры обнаружены археологически? Это: зернь, бабки, домино, шахматы, шашки и позднее карты. В них присутствовал азарт, умственность, но нередко преследовался материальный интерес. Иллюстрации дают представление об атрибутах игр.

«Зверь лютый» и другие символы власти

При презентации Мария Петровна обратила внимание на сакральный аспект повседневной жизни усадьбы, чему в книге посвящён подраздел, завершающий вторую главу. Это и закладная строительная жертва, и наличие «красного угла», и колодец, как рубеж меж мирами. Но больше внимания во всей книге занял «зверь лютый», изображённый на печном изразце. Это второй символ по частоте его использования в книге после томского орла. Он присутствует на обложке, на шмуцтитуле и повторён в колонцифрах на всех страницах главы. На изразце фантастическое животное с гривой, мускулистое тело лошади, хвост львиный, изо рта дугой вперёд высунут язык, лапы когтистые и согнутые, будто зверь гарцует. Под брюхом девятиконечная звезда. Исследуя находку, автор проводит аналогию с похожими изображениями, в том числе единорога при других

раскопках, однако на томском звере рог отсутствует. Но это тоже символ власти. «Зверь лютый» защищает своего хозяина, готов дать отпор врагу. Данный зверь, как и в других местах, являлся носителем охранной магии. Его яркое на фоне печи изображение подчёркивало власть воеводы для любого входящего.

Собственно власти и престижу воеводы посвящена третья глава. Властность воеводы подчёркивалась в топографии усадьбы и предметах делопроизводства, во всём убранстве.

Обнаружены существенные атрибуты власти – чернильный прибор двух видов – настольный, хорошо отделанный, и переносной. Найдена также вставка-печатка из перстня. На ней изящная белка с орехом в лапках. На московской печатке – бегущий олень. Территориальная эмблематика сибирских государственных людей, как правило, изображала зверей, большей частью пушных, что соответствовало роли Сибири в экономике страны. Престижность власти подчёркивали находки западного импорта: стеклянные изделия (посуда венецианской техники, бусины, флаконы и пр.), а также восточные товары (бусины-одекуй, китайский фарфор).

В целом автор убеждает, что административная власть в Сибири не была построена по колониальному принципу. Основатель Томска царь Борис Фёдорович давал наказ воеводам: «...город от недругов оберегати, и всяким людем береженье и ласка и привет держати». Однако, как нам известно из других источников, не все томские воеводы следовали этому наказу.

Итак, нового о старом Томске для любителей его истории немало. Нам стал ближе ранее неизвестный большинству мир средневековой усадьбы с её многими функциями, и мы как бы увидели ряд действующих служилых людей внутри её.

«Книга создана, чтобы сначала поразить взор, а уж затем очаровать разум»

Эти слова владельца лучшей в России типографии во второй половине XVIII века Н.Е. Струйского автор со своими помощниками смело и даже задиристо взяли как один из девизов своей работы над книгой. Как же они его исполнили?

Великолепно!

Уже сказано о прекрасном полиграфическом исполнении книги, её художественном редакторе Л. В. Чёрной. Здесь же следует сказать, чем книга поражает ещё.

Поражает список опубликованных источников – их названо более тысячи трёхсот! Здесь российские издания четырёх веков – с XVIII по нынешний XXI-й. Есть книги, датированные 1788, 1808, 1871 гг. (М.П. Погодин о первом Археологическом съезде), Чертёжная книга Сибири С. Ремезова, (1882г.) и ещё много других. Обильно представлены советские издания, в том числе монографии известных археологов – академика Б.А. Рыбакова, члена-корреспондента АН СССР А.К. Арциховского, основателя сибирской археологической школы академика А. П. Окладникова, книги специалистов в разных областях знаний: советского академика С.Г. Струмилина (по истории чёрной металлургии), академика сибиряка Н.Н. Покровского (по истории Томска XVII века), моногра-

фии учёных по каменному строительству и деревянному зодчеству, старинному огнестрельному оружию; по истории водоснабжения, стекольной, обувной, гончарной промышленности, скотоводству, охоте; книги и статьи о народных традициях, мифологии, символике, быте, фольклоре и языке русского народа.

Естественны в списке – сибирские исследователи: Г.Н. Потанин, архитекторы Е.А. Ащепков, С.Н. Баландин, А.Ю. Майничева, историки З.Я. Бояршинова, О.Н. Вилков, П.Г. Данилов, Н.Ф. Емельянов, А.А. Люцидарская, Н.А. Миненко, Д.Я. Резун, и др. И, конечно же, представлены особо археологи-сибиряки: В.И. Молодин, Г.П. Визгалов, В.И. Матющенко, С.Ф. Татауров, Ю.В. Ширин и др. Перечислены свыше десяти работ М.П. Чёрной, причём есть и изданные за рубежом. Кроме монографий и статей использованы энциклопедии, словари («Словарь народно-разговорной речи...»), изданные документы («Таможенные книги сибирских городов XVIII в...»). Список завершает, как и принято в монографиях, 26 работ на иностранных языках – польском, английском и немецком.

Впечатляет итоговый текст, название которому дано несколько парадоксально: «Заключение как повод к продолжению». В ходе презентации вспомнили слова писателя и поэта Сергея Заплавного, которые привела Мария Петровна как один из эпитафов в своей первой монографии: «Любимый город никогда не может быть прочитан до конца, как не может быть единожды прочитана любимая книга». В заключении автор не только итожит и обобщает свой труд, но и намечает развитие далее новых проблем в томском археологическом городо-ведении, не раскрытых ещё наукой, обозначает их направления. Это напутствие и своей перспективе, и молодым археологическим умам, и устремлениям. Автор имеет на то право, т.к. у неё многолетний опыт раскопок и их анализа. В архиве Института археологии РАН (г. Москва) хранятся более десятка отчётов М.П. Чёрной об археологических исследованиях с 1983 г.

А начала она с первого курса вместе с матерью Людмилой Александровной Чиндиной, ныне доктором исторических наук, профессором ТГУ. Таким образом, мы имеем дело с тремя поколениями из одного семейства, причастными к монографии. Это ли не впечатлительно?!

Вначале, как и мать, Мария занималась аборигенной археологией, а позже по случаю и с помощью профессора Э.И. Черняка ушла в раскопки Воскресенской горы, где они продолжались 10 лет. На нашем заседании Мария Петровна пришла с дочерью, рассказывала со слайдами вдохновенно и, уж точно поразила и взор, и сознание.

Вместе они подбирали иллюстративный материал. Им книга насыщена обильно. Каждая страница – произведение книжного искусства! 215 рисунков на 217 страницах основного текста! Причём, все в полном цвете и только некоторые колоризованы. Можно представить, как тщательно надо было отбирать археологический материал, как его реконструировать. Это производила Мария Петровна, а рисунки по ним создавала дочь Людмила. Таких насчитал около двух десятков. Ей же принадлежат около десятка коллажей, которые помогают зримо воссоздать россыпь находок и образов. А какой розыск следовало организовать, чтоб оснастить книгу цветными иллюстрациями! На каждую есть несколько интернетных ссылок. Но многим известно, что взять их напрямую и

пустить в дело не просто. Сугубо важно воспроизведение цветное, да чтоб без искажений и с достаточной чёткостью. Тут и множество фотографий, и лубок, и сказочные персонажи, и иллюстрации из коллекций одежды, и, особо, живопись мастеров. Представлены русские знаменитости И.Я. Билибин, А.М. Васнецов, С.В. Иванов, К.Е. Маковский, а также не менее выразительные полотна Ф.С. Журавлёва («Боярышня»), Р.А. Смирновой («Чурила Пленкович»), иностранца Х. Каррено де Миранда («Потрет Боярина П.И. Потёмкина») и др. Весьма похвально использование работы томича Ю.П. Нагорного. Словом, ощущается славная дружная работа семейного коллектива под руководством матери Марии Петровны. Дочь Людмила как книжный дизайнер, а дочь Екатерина проводила камеральную и компьютерную обработку. Это ли не повод восхититься совместным трудом для благородного дела?!

Созерцая и внимая текст книги, получаешь эстетическое и интеллектуальное удовольствие, в частности, от преемственности культурных символов нашего города: «лютый зверь» и одноглавый томский орёл передали эстафету скачущей лошадке, чисто белой на зелёном фоне... Как тут не полюбоваться?

М.П. Чёрная в результате многолетних раскопок считает своим научным достижением вывод о том, что Томск был основан не на южном мысе Воскресенской горы. Этот вывод противоречит уже давно принятым представлениям в научном обществе историков и краеведов, потому неоднозначно принят. В 2010 г. доктор исторических наук, профессор ТГУ Н.М. Дмитриенко в научном журнале (Вестник ТГУ. №2) под рубрикой «Дискуссии» с серьёзными аргументами опровергает его, отстаивая прежний взгляд на место основания города. В ходе встречи у нас в областной библиотеке Мария Петровна никоим образом не усомнилась в своём убеждении. И этим самым тоже нас поразила. Завершая монографию, она считает, что следующее интригующее исследование должно дать действительное местоположение первоначального Томска.

На вопросы после выступления М.П. Чёрная отвечала полно, никуда не торопясь. Как это характерно для томской интеллигенции при публичном общении! И у слушателей осталось очень приятное «послевкусие». Вот как откликнулась ветеран томского краеведения Н.П. Боровинских: «...М.П. Черная – потрясающий докладчик: эрудиция, артистичность, прекрасный русский литературный язык! Спасибо!..». А вот как сама Мария Петровна отозвалась об итогах встречи: «Чрезвычайно признательна ...всем, кто заинтересовался книгой и информацией о Томске. Когда имеешь дело с таким материалом, это обязывает донести его до людей. Мне посчастливилось при нашей встрече общаться с людьми, заинтересованными историей не по долгу служения науке, но по велению неравнодушной души и пытливого ума, что отразилось в живом отклике аудитории на рассказ, во вдумчивых и разнообразных вопросах, это вызывает особое и глубокое уважение, ведь истинное удовлетворение чувствуешь, когда идёт взаимно заинтересованный диалог, участники которого составляют единую команду. Общение специалистов между собой необходимо и полезно, но все наши изыскания по-настоящему обретают смысл, когда они начинают впитываться современниками – носителями исторической памяти. Благодарна всем за интеллектуальное, эмоциональное общение!».

В заключение приведу два факта, которые всплыли на нашей встрече. Они историчны, но важны для современности, которая изобилует искажениями нашей истории и настоящего, когда за рубежом нам приписывают агрессивность и угрозы Европе.

Факт первый. М.П. Чёрную спросили о её любимых папуасах. Да, студенткой было такое увлечение, детально проработала о них многие исследования, в том числе академическое издание трудов Н.Н. Миклухо-Маклая. Взаимное понимание и дружба с местными племенами, а также борьба путешественника против работорговли и колонизации, которая, как он убеждался, кончится истреблением папуасов, породили у учёного мысль признать один из берегов Новой Гвинеи российским. Он оформил предложение, чтобы взять часть территории под протекторат России, отправил документ в российскую столицу. По инстанциям идея дошла до императора Александра II. Российский император отказал этой идее. И это в то время, когда западноевропейцы не гнушались отвоёвывать себе эти же территории и закабалять аборигенов.

Факт второй. Мы вспомнили слова сибирского археолога академика А.П. Окладникова: он часто упоминал А.Н. Радищева, который нашёл ёмкое слово – «приобретение» Сибири, а не завоевание её.